

Бокарев Алексей Сергеевич

"Я" И "ДРУГОЙ" В ПОЭЗИИ ИГОРЯ ХОЛИНА (НА МАТЕРИАЛЕ ЦИКЛА СТИХОТВОРЕНИЙ "ХОЛИН")

Статья обращена к рассмотрению субъектной структуры поэзии И. Холина в аспекте соотносительности "я" и "другого". На материале лирического цикла "Холин" исследуется художественная стратегия, при которой "я", будучи темой высказывания, уступает "другому" право голоса и/или оценки. Доказывается, что ономастически тождественный автору субъект, учитывая точку зрения "другого" при конструировании собственного образа в тексте, остается полностью непроницаемым для чужого сознания.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2017/6-3/1.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2017. № 6(72): в 3-х ч. Ч. 3. С. 10-12. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2017/6-3/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

10.01.00 ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 821.161.1

Статья обращена к рассмотрению субъектной структуры поэзии И. Холина в аспекте соотносительности «я» и «другого». На материале лирического цикла «Холин» исследуется художественная стратегия, при которой «я», будучи темой высказывания, уступает «другому» право голоса и/или оценки. Доказывается, что оно-мастически тождественный автору субъект, учитывая точку зрения «другого» при конструировании собственного образа в тексте, остается полностью непроницаемым для чужого сознания.

Ключевые слова и фразы: субъектная структура; «я» и «другой»; второй авангард; Лианозовская группа; Холин.

Бокарев Алексей Сергеевич, к. филол. н.

Ярославский государственный педагогический университет имени К. Д. Ушинского
asbokarev@mail.ru

«Я» И «ДРУГОЙ» В ПОЭЗИИ ИГОРЯ ХОЛИНА (НА МАТЕРИАЛЕ ЦИКЛА СТИХОТВОРЕНИЙ «ХОЛИН»)

Соотносительность «я» и «другого» в поэтическом мире Игоря Холина уже становилась предметом литературоведческого анализа. По мнению А. В. Володиной, субъектная сфера его лирики определяется поэтикой «общего места», когда говорящий мыслит себя «в поле “советского”» – в языковом пространстве банальностей и клише, «объединенных... опытом множества людей» [1, с. 205-209]. При таком самопозиционировании личность редуцирована до функции – заранее предопределенного набора действий и мыслительных операций [Там же, с. 214]; авторское «я» «вытесняется» из стихотворения, а его полномочия «узурпируются» «другим», мало чем от него отличным (на этом принципе построено большинство произведений И. Холина). Однако возникающая у поэта интерсубъектность периодически «накладывается» на сугубо авангардную тенденцию – самоутверждение «уединенного сознания» любыми, в том числе и самыми изощренными, средствами [3, с. 17]. Последняя особенность ярко проявилась в лирическом цикле «Холин» [4, с. 184-191], где «я» не только не «изгоняется» из текста, но и оказывается объектом рефлексии, увиденным как бы со стороны – глазами «альтернативного» «другого». К анализу этой необычной оптики и обращена настоящая статья.

По наблюдениям Н. Л. Лейдермана и М. Н. Липовецкого, «“Холин” предстает как урод среди барачных человеко-механизмов», причем его уродство осмысливается как «знак отличия», «непринадлежности к ненавистному миру» [2, с. 399]. Тезис об «инаковости» героя нуждается в уточнении (связи с барачником «Холин» все-таки не теряет); утверждение же о том, что стихи пишутся с позиции «обезличенного барачного жителя» [Там же], может быть принято без оговорок. С точки зрения статистики для цикла существенно уменьшение доли прямых форм высказывания (они встречаются лишь в 22,22% текстов), а также преобладание косвенных способов репрезентации субъекта (100%) в сочетании с синкретическими и диалогическими конструкциями (88,88%). Если говорить о доминирующем типе субъективности, то перед нами лирический герой, для которого характерны не только самоотстранение и оппозиционность большинству, но и способность проникать в чужое сознание, чья точка зрения учитывается при создании словесного «автопортрета».

Приоритет «другого» при конструировании авторского «я» оказывается возможным благодаря чужой интенции (55,55%), которой «окрашивается» речь героя, смотрящего на себя как на «он» (94,44%) или «ты» (5,55%). Менее частотные случаи – высказывание о «Холине» ролевого субъекта (27,77%) и реплицированность (22,22%), когда голоса (и ценностно-смысловые позиции) «оппонентов» сталкиваются в одном речевом контексте. Функционально эти формы почти не отличаются друг от друга – коммуникативной задачей непременно становится дискредитация «Холина», обреченного на неприязнь и агрессию со стороны окружающих («Холин сломал ногу / Слава Богу / Я к нему ничего не имею / Чтобы он сломал / Шею... Чтобы ему быть / Жаживо ответым / Чтобы / В сортир провалиться / Чтобы / Г***м подавиться» [4, с. 190]). Причина такого отношения – в принципиальном «несовпадении» протагониста с «другими», которое постулируется с самых первых строчек.

Особенно репрезентативным в свете нашей темы оказывается стихотворение «Вы не знаете Холина» [Там же, с. 184], открывающее цикл и содержащее его ключевые мотивы. Здесь же намечаются и пути их

разработки (произведение строится как развернутая инвектива в адрес протагониста) и задается субъектная ситуация, при которой «я», оставаясь темой высказывания, уступает «другому» право голоса и/или оценки («Вы не знаете Холина / И не советую знать / Это такая с*** / Это такая б***») [Там же]. В следующих стихотворениях характеристики героя уже более обстоятельны: его облик вызывает ассоциации с уродцами Босха («У Холина рога / На поясище» [Там же, с. 188]), интеллектуальные способности ставятся под сомнение («Холин / Болен / Он живет по спирали» [Там же, с. 184]), а характер и поведение не имеют ничего общего с усредненной барачной «нормой»:

*Я поражен
Сколько у Холина
Жен...
Жены
Со всего света
Это
В его-то лета* [Там же, с. 188].

В негативном ключе осмысляется и творчество субъекта: отвергаемая барачом поэзия делается объектом пародии и воспринимается как глоссолалия, а ее создателю отказывается даже в праве называться поэтом («Холин / Человек от сохи / Пишет стихи / Си хи / Се хи / Си се хи» [Там же, с. 187]). Такая позиция, впрочем, явно расходится с видением самого героя.

Так, в стихотворении «Я свою фамилию» [Там же, с. 186] декларируется не только значимость протагониста, но и глобализм его творческих притязаний, в силу которого он объявляется «первым поэтом Вселенной» [Там же]. Однако навязчивый повтор имени (слово «Холин» употреблено в тексте одиннадцать раз) не столько «возвеличивает» поэта, сколько «обесмысливает» высказывание, что позволяет Н. Л. Лейдерману и М. Н. Липовецкому говорить о «мнимости индивидуальной свободы» и «комичности эгоцентризма» в барачном мире [2, с. 399]. С другой стороны, «Холин» действительно несет на себе следы уникальности: подобно божеству, он подчеркнута вездесущ (с ним встречаются «в гостях», «в пивной», «в кино» или «в саду» [4, с. 187]), его субституты «укрупняются», приобретая почти иррациональную ценность («Да будет вам / Известно / Тень Холина / Не пустое место» [Там же, с. 191]), а будущее, смоделированное по евангельскому «шаблону», обещает воскресение и жизнь вечную:

*Вы слышите звуки
Разлуки...
Холин
Кончается
Впрочем
Кто его знает...
Может он
Оживает* [Там же].

Иными словами, герой цикла амбивалентен: «пустота... претензии на величие» [2, с. 399] сближают его с барачными обитателями, а травматический опыт изгойства заставляет видеть в нем трагическую фигуру, подобную Христу. Преимущество «Холина» перед «жителями барака» еще и в том, что для него не составляет труда встать на позицию «другого», взглянуть на вещи его глазами, вплоть до признания собственной неполноценности («Не кажется ли вам» [4, с. 188]), в то время как сам он полностью непроницаем для чужого сознания.

Неслучайно многие стихотворения цикла открываются глаголами восприятия, акцентирующими попытку чувственного постижения «Холина» его антагонистами («Вы чувствуете...» [Там же, с. 189], «Вы слышите...» [Там же, с. 191] и т.д.). Однако дальше спонтанных и крайне субъективных «прозрений» дело не идет – герой неизбежно «ускользает» от понимания, меняясь прямо на глазах у читателя. Иногда «трансформация» его облика доходит до логического предела и оборачивается гротеском: «текучесть» авторского «я» перестает быть литературоведческой метафорой и может прочитываться почти буквально – как тотальное «развоплощение» личности в сознании «другого». На фонетическом уровне эта особенность «подкрепляется» паронимической аттракцией и словесным повтором, с помощью которых как бы «удостоверяется» размывание контуров:

*Лицо у Холина
Течет...
Стекает ухо
По скуле
Скула стекает
Вдоль бедро
Бедро в ведро
В ведре
Дыра торчит*

А он кричит

Я весь теку

По собственному

Сапогу (одинаковые звуковые комплексы выделены подчеркиванием, повторы – курсивом – А. Б.)
[Там же, с. 189].

Невозможность получить «моментальный снимок» индивидуальности субъекта делает крайне неоднозначной и ее словесную фиксацию. Так, одно из стихотворений представляет собой перечень, открывающийся именем героя и объединяющий слова, связанные лишь фонетически («Холин») [Там же, с. 190]. Порядок их следования призван дезавуировать смысл «исходного» понятия, поэтому последним в ряду оказывается существительное «хрен», воспринимаемое как семантически эквивалентное «предшественникам». С другой стороны, едва ли не каждое слово отсылает к уже звучавшим в цикле мотивам: «Хоста», например, может указывать на «нездешность» героя, «хорей» – на его творческие амбиции, а «хоругвей» – на «мерцающую» связь текста с евангельским сюжетом. В любом случае перед нами набор разнящихся характеристик, с трудом сводимых в единый фокус. Видимо, поэтому «непостижимость» «Холина» в конечном итоге тематизируется, а чувственные представления о нем объявляются неадекватными объекту:

Если вы смотрите

На Холина

И видите

Холина

Знайте

Вас водят за нос

Если вы смотрите

На Холина

И видите 34 в 35 степени

Перед вами Холин [Там же, с. 187].

Таким образом, в субъектной структуре цикла диалогически соотнесены две точки зрения на героя: его собственная, закрепляющая за ним статус выдающегося поэта, и барачного большинства – «ниспровергающая» эти претензии. Впрочем, условия, в которых находятся «собеседники», неравны изначально: «чуткость» героя по отношению к чужому сознанию, обычно не свойственная авангарду, воспринимается как уловка, как способ самоутвердиться за счет «другого», заведомо неспособного (или не имеющего возможностей) к такой «отзывчивости». Как бы то ни было, герой И. Холина неизбежно закрыт к познанию извне – и в этом не только его отличительная особенность, но и трагедия, чреватая одиночеством.

Список источников

1. Володина А. В. Поэтика «общего места» и проблема поэтической субъективности: поэзия И. Холина // Труды Русской антропологической школы. 2013. Т. 12. С. 203-224.
2. Лейдерман Н. Л., Липовецкий М. Н. Современная русская литература: 1950-1990-е годы: пособие для студ. высш. учеб. заведений: в 2-х т. М.: Издательский центр «Академия», 2003. Т. 1. 416 с.
3. Тюпа В. И. Постсимволизм: теоретические очерки русской поэзии XX века. Самара: ООО Научно-внедренческая фирма «Сенсоры, Модули, Системы», 1998. 115 с.
4. Холин И. С. Избранное: стихи и поэмы. М.: Новое литературное обозрение, 1999. 320 с.

“I” AND “THE OTHER” IN THE POETRY OF IGOR' KHOLIN (BY THE MATERIAL OF THE CYCLE OF POEMS “KHOLIN”)

Bokarev Aleksei Sergeevich, Ph. D. in Philology
Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky
asbokarev@mail.ru

The article is devoted to the consideration of the subject structure of I. Kholin's poetry in the aspect of the correlation between “I” and “the other”. By the material of the lyrical cycle “Kholin”, the artistic strategy in which “I”, being the theme of the utterance, lets “the other” have the right to vote and/or evaluate is studied. It is proved that the subject which is onomastically identical to the author, taking into account the point of view of “the other” in constructing his own image in the text, remains completely impenetrable to someone else's consciousness.

Key words and phrases: subject structure; “I” and “the other”; the second avant-garde; Lianozovo group; Kholin.